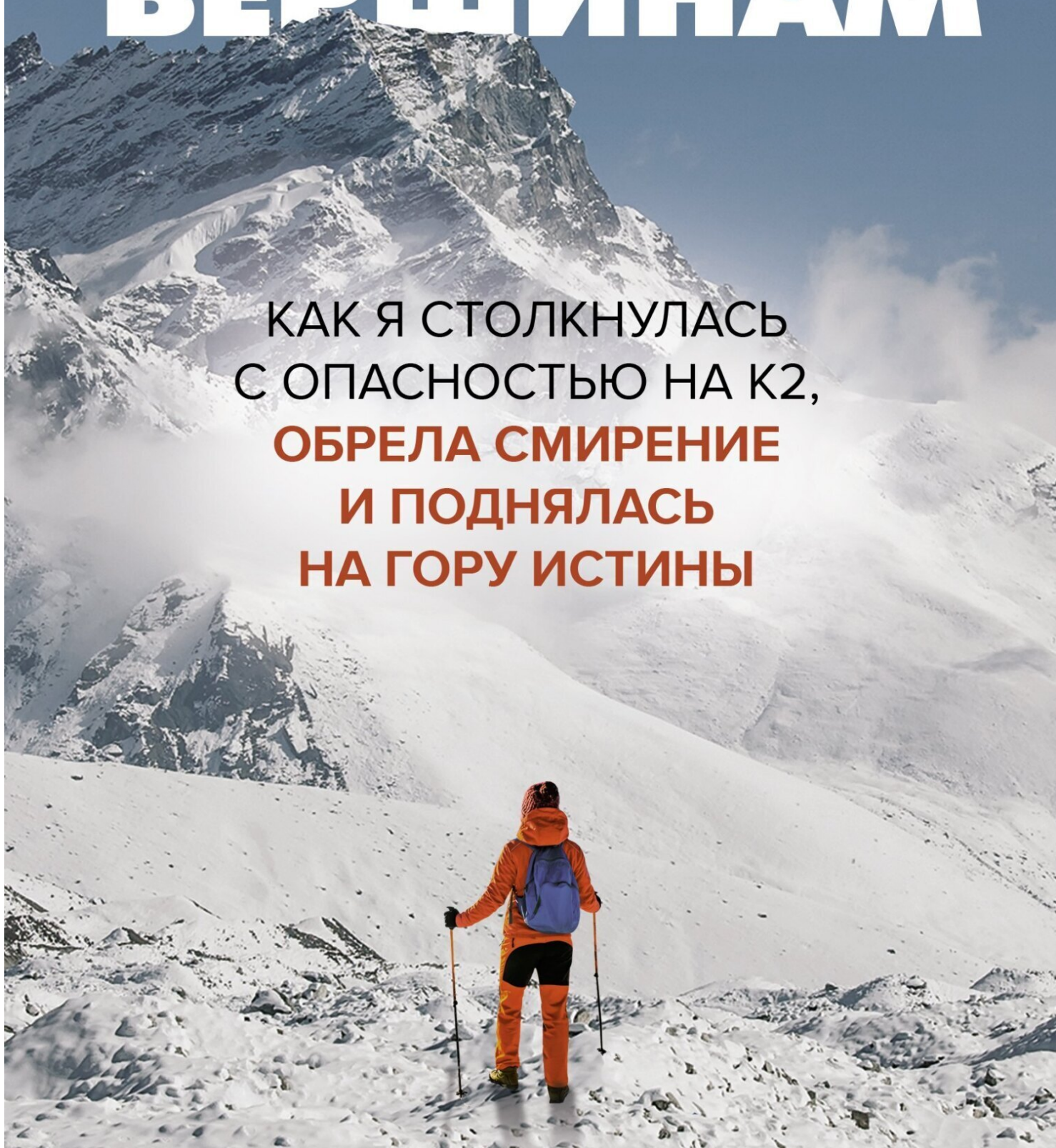

ВАНЕССА О'БРАЙЕН

К ВЕЛИЧАЙШИМ ВЕРШИНАМ

КАК Я СТОЛКНУЛАСЬ
С ОПАСНОСТЬЮ НА К2,
ОБРЕЛА СМирЕНИЕ
И ПОДНЯЛАСЬ
НА ГОРУ ИСТИНЫ

Выжить в апокалипсисе. Истории преодоления

Ванесса О'Брайен

**К величайшим вершинам. Как
я столкнулась с опасностью
на К2, обрела смирение и
поднялась на гору истины**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 796.52+152.92

ББК 75.82+88.52

О'Брайен В.

К величайшим вершинам. Как я столкнулась с опасностью на К2, обрела смирение и поднялась на гору истины / В. О'Брайен — «Издательство АСТ», 2021 — (Выжить в апокалипсисе. Истории преодоления)

ISBN 978-5-17-138170-7

Задолго до того, как Ванесса О'Брайен стала первой американкой, поднявшейся на вершину К2, и первой британкой, вернувшейся с этой вершины живой, она - непокорный подросток из пригородов Детройта — вынуждена была заново налаживать свою жизнь после страшной потери, уничтожившей ее семью. Прокладывая собственный путь в этом мире, Ванесса стремилась реализовать свои высокие амбиции. Вскоре, взяв на вооружение диплом МВА и нестандартное чувство юмора, она поднялась по служебной лестнице и достигла немалого успеха, однако после экономического кризиса 2009 года ее карьера пошла под откос. Ванесса стала думать, чем заняться, и поставила себе невероятную цель: подняться на Эверест. Когда первая попытка восхождения закончилась неудачей, она повернула обратно, испытав унижение, но став мудрее. Двумя годами позднее Ванесса добралась до вершины мира. И двинулась дальше. Странствия Ванессы из пригородов Детройта в Зону смерти на Эвересте, к вершине К2 и дальше, о которых она рассказывает правдиво и с юмором, — преображающая сознание история стойкости, верности высокой цели и готовности мужественно преодолевать любое препятствие. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 796.52+152.92

ББК 75.82+88.52

ISBN 978-5-17-138170-7

© О'Брайен В., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	7
Часть I	13
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ванесса О'Брайен
К величайшим вершинам
Как я столкнулась с опасностью, обрела
смирение и поднялась на гору истины

© 2021 by Vanessa O'Brien

© Л. А. Борис, перевод, 2021

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

Всем тем, кому хватает смелости постичь перемены

Некоторые имена и конкретные детали были изменены, а отдельные персонажи и события являются результатом литературной обработки.

Пролог

*Альпинизм – длительные периоды интенсивной скуки,
прерываемые редкими моментами абсолютного ужаса.*
Аноним

Я карабкалась по каменистой морене на ледник Годвина-Остена высоко в Гималаях. К2 возвышалась надо мной, мраморно-белая с черными пятнами на фоне синего неба – почти идеальный треугольник, будто гора, нарисованная рукой ребенка. Я попыталась сосредоточиться на движении своих ног, но вершина так и притягивала взгляд, поэтому я то и дело посматривала на нее краешком глаза, отчего ощущала себя немного не в своей тарелке. Вершина ныряла туда-сюда, играя в прятки с перистыми летними облаками и вихрями снежных кристаллов, которые подхватывал безжалостный ветер. Не помню точно, какая песня играла у меня в наушниках. Может, это были *Rolling Stones*, и пели они о том, как многообразно то, что ты получаешь: то, что ты хочешь, или то, что тебе нужно. А может это были *Sex Pistols*, распевавшие о различии между тем, что ты хочешь, и тем, что получаешь. У каждой экспедиции свой собственный саундтрек, и любой из них подошел бы для моей второй попытки подняться на К2.

Расположенная на границе Пакистана с Китаем, К2 является высшей точкой горной системы Каракорум и вторым высочайшим пиком планеты, она простирается на 8610 м, а от базового лагеря ее вершину отделяет примерно 3612 м. Жесточайший мороз, постоянный сход лавин и камнепады, технически сложные подъемы и, что вполне предсказуемо, кошмарные погодные условия на К2 уже стали легендой. Подъем на вершину – изнурительная проверка физической выносливости и силы воли. Ничто не удерживает вас там, одна только целеустремленность, так что, отправляясь на К2, и вы, и все, кто вас любит, отказываетесь в мучительно сложном положении. Мой муж Джонатан может подтвердить это, ничуть не жалуясь.

В 2013 году, за три года до моей второй попытки подъема на К2, лавина вблизи Третьего лагеря, на высоте около 7400 м, унесла двоих, отца и сына. В ослепительно ясный солнечный день я почти смогла рассмотреть, куда их могло сбросить. Еще раньше я пообещала выжившей жене погибшего и их дочери, Секвойе Шмидт, что изо всех сил буду стараться хотя бы увидеть издали останки кого-нибудь из них. Именно поэтому с самого прибытия в базовый лагерь, когда на глаза нам стали попадаться следы схода лавин, я осматривала изорванные пуховики, куски изодранной одежды и, да, даже отдельные фрагменты человеческих останков. Когда до меня дошли слухи, что другая команда увидела два разных сапога, торчащих бок о бок из ледника, я ощутила прилив надежды и отправилась посмотреть поближе.

Рельеф этих мест – наследие продолжающегося вот уже более 50 млн лет неспешного процесса колоссальной силы, который вызывает изгибы, смятия и поднятия. Индостанская плита врезалась в Евразийскую и нырнула под нее, отчего вверх поднялись горные хребты высотой более 8 км, так образовались Гималаи, которые включают и горную систему Каракорум. Так бывает на трассе, когда автомобиль получает удар сзади: обломки поднимаются и торчат вверх, словно складки аккордеона. Морские окаменелости, которые образовались в первобытных глубинах, теперь вмурованы в скалы на высоте тысяч метров над уровнем моря. Лавины сбрасывают снег в подземные потоки, и они мало-помалу врезаются в гору, оставляя глубокие трещины и хрупкие карнизы

Горы никогда не бывают статичными, но те, чей возраст исчисляется миллиардами лет, как правило, изношены и смиренны. С точки зрения геологии, Гималаи – капризные подростки. Они постоянно огрызаются и плохо себя ведут, без предупреждения сбрасывая обломки камней и скал. Между острыми вершинами непрерывно движутся замерзшие реки и горные водопады, смещаясь за один день на расстояние от 60 см до 1,5 м. Альпинист может легко

соскользнуть в глубокую трещину и исчезнуть в ледяной пропасти. Он может быть раздавлен обрушившимся сераком¹ или погибнуть, совершив какую-нибудь роковую ошибку. Альпинисты могут стать жертвой болезни, отека легких или мозга, истощения или гипоксии. Они могут упасть, замерзнуть или просто не проснуться.

На момент написания этой книги на вершину К2 успешно поднялись только 377 человек, еще 84 альпиниста погибли там, поставив ее на второе место после Аннапурны по смертоносности в мире. На каждые двадцать восхождений на Эверест приходится только одна попытка подъема на К2, и из всех, кто совершает восхождение на нее, каждый четвертый погибает. Неприятная реальность состоит в том, что очень немногие тела удается спустить с горы целыми. Оторванные конечности, обрывки снаряжения и вмерзшие в лед тела то появляются на поверхности смещающегося льда, то снова исчезают. Лавина с силой швыряет их, словно гальку в океане: кости оказываются переломаны, суставы и сухожилия порваны, хрящи раскрошены. Тело чаще всего распадается в самых слабых местах, начиная с шеи. Птицы обычно успевают первыми отыскать погибших, задолго до того, как к ним приблизится другое человеческое существо, чтобы перетащить оторванную от туловища голову в какую-нибудь расщелину или присыпать щебнем безымянное туловище. На значительной высоте затраты энергии на то, чтобы завалить труп камнями или попытаться извлечь его из льда чаще всего подвергают опасности жизнь альпиниста с этими благими намерениями, поэтому моей целью было не вытащить тела тех отца с сыном, а хотя бы идентифицировать их с помощью образцов ДНК.

Шерпы боятся смерти. Многие из них отказываются посещать мемориальную пирамиду возле базового лагеря К2. Некоторые опасаются, что даже фотографирование трупа может прервать странствие души погибшего. Конечно, не было смысла просить их заняться лодыжкой мертвеца, поэтому я пригласила эквадорца Бениньо, моего товарища по команде, подняться со мной на ледник. Он все еще был ниже морены, когда я увидела впереди полосу кристально-голубого льда и снега цвета взбитых сливок. На бледном фоне легко можно было разглядеть ярко-синие и неоновые-оранжевые сапоги. Разные цвета, один и тот же европейский бренд. Может быть, это два альпиниста, которые вместе покупали снаряжение. Используя свой *Garmin inReach*, спутниковый прибор, который отслеживает передвижение и позволяет отправлять текстовые сообщения, я отправила сообщение Секвойе. «На них были ботинки марки *Koflach?*»

Ожидая ответа, я поднималась по леднику в поисках других следов или останков. Альпинистское снаряжение так же красочно, как одежда цирковых артистов, в первую очередь потому, что мы хотим быть заметными на фоне льда и скал. Когда я только начала заниматься альпинизмом, это меня страшно бесило. Хотелось выглядеть, как воин-ниндзя, а не набор бутылок с кетчупом и горчицей на столике у гриля, но ботинки *La Sportiva Olympus Mons Evo* всегда ярко-желтые. Так что ситуация напоминает приобретение автомобиля *Model T* от Генри Форда: бери, что дают. Некоторое время я поднималась, осматривая затененные сугробы. Ничего. Было пасмурно, и я двигалась против ветра, напиравшего с такой силищей, что появлялось неприятное ощущение между ребрами и грудиной. Я вернулась к ботинкам.

Заглянула сначала в синий ботинок и обнаружила, что внутри осталась ступня, лодыжка и сломанная голень с большим количеством плоти на кости. Качество тканей напомнило маринованные свиные ножки, которые так любила моя мать – беловатая мякоть, мраморная от застывшего в желе жира. В детстве я содрогалась, видя, как она наслаждается этим блюдом. Теперь мне показалось, что я вряд ли смогу спокойно смотреть на них в отделе гастронома по соседству. С другой стороны, передо мной было множество возможностей получить образцы ДНК.

---

¹ Серак – ледяной пик, вертикальное образование, образующееся на передней кромке ледника. В русском языке сераки иногда именуют ледяными столбами или зубами (Здесь и далее – *Прим. пер.*).

Я не эксперт, но понимаю основы и полагала, что смогу достаточно спокойно провести забор образцов, поскольку с самого детства была довольно стойким ребенком.

Помню, как в возрасте 8 лет впервые пошла на похороны. Мать подвела меня и моего младшего брата Бена к гробу, чтобы проститься с умершим. Бен был слишком мал, чтобы заглянуть внутрь, но я привстала на цыпочки и спросила: «А потрогать можно?» Мама кивнула, и я протянула руку и погладила твидовый рукав жесткого серого костюма. Этого человека я не знала. Он был для меня, как вешалка с одеждой. Все говорили, что его душа отправилась в рай, и я с детской непосредственностью верила в это. Я до сих пор в это верю. Однако сейчас я достала из кармана набор для забора образцов – хирургические перчатки, ножницы, маску, контейнер для тканей и складной швейцарский нож; руки дрожали. Передо мной была не лягушка, которую нужно было препарировать на уроке биологии. Погибший был чьим-то братом, и, подумав о своем младшем брате, я почувствовала, как моя стойкость куда-то девалась.

– Эй, Бениньо, – позвала я, и он вскарабкался на ледяной холм и встал рядом со мной, выдыхая белые облачка пара.

– Что-то мне нехорошо, – сказала я, протягивая ему маску и перчатки. – Ты же не откажешься мне помочь? Или, вернее, ему.

Бениньо с усмешкой пожал плечами. Альпинисты привыкли к черному юмору. Я держала ботинок, указывая товарищу, какие куски плоти нужно отрезать, и открыла контейнер, чтобы поместить в него образец.

– Вот так. Супер. Теперь ты можешь отломить отсюда кусок кости? Отлично. И то же самое из другого ботинка. Сейчас я достану второй контейнер.

Мы проделали то же самое с другим ботинком. Когда все было сделано, я сняла маску и перчатки, пометила контейнеры и убрала маску, перчатки и нож в отдельный пакет.

– Эй, не выбрасывай нож, – попросил Бениньо. – Лучше отдай мне. Я очищу его и сохраню.

Я позволила ему залезть в рюкзак и достать нож. В нескольких метрах от нас была глубокая трещина, поэтому мы собрали все видимые останки и аккуратно сложили их в темную трещину, сохранив координаты GPS.

– Теперь дай помолиться, – попросила я.

Бениньо стоял, почтительно склонив голову и заложив руки за спину.

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; Да приидет Царствие Твое; Да будет воля Твоя и на земле... И на земле... Как на небе.

Мой голос пресекся. Вот уже сорок лет, сколько я себя помню, я день за днем читаю *Отче наш*. Теперь же глаза наполнились слезами, я моргала, встревоженная тем, что знакомые слова куда-то пропали, так как множество неведомых до той поры переживаний охватило меня.

– И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Аминь.

Фарман, наш повар и управляющий Базовым лагерем, сказал, что сохранит взятые образцы на льду. Я отправила еще одно сообщение Секвойе, и на этот раз ответ пришел быстро. Ни ее отец, ни брат не носили таких ботинок.

Черт. А я так надеялась, что это они. Мне больше нечего было предложить им, матери и дочери, они так и будут страдать дальше, пребывая в неизвестности. Их неутоленное горе резко противоречило факту наличия в холодильнике неопознанных образцов ДНК. Какой смысл в этих образцах, если их нельзя сравнить с ДНК членов семьи погибших. Я слишком хорошо это понимала. Моя мать умерла, страдая от той же боли. Отец никогда не мог говорить об этом, еще до того, как болезнь Паркинсона лишила его способности говорить вообще.

Увиденное оставалось со мной, вплетая кошмарные темы в беспокойные видения на большой высоте в течение следующих дней, которые и без того стали похожи на скверный сон. Лавина, очень напоминавшая ту, что унесла тех отца и сына, снесла третий лагерь вниз,

пощадив жизни, но лишив нас тщательно подготовленного снаряжения, палаток, припасов и кислорода. Моя вторая попытка подняться на вершину К2 закончилась проклятым сочетанием мерзкой погоды и невезения. Я не знала, потяну ли я третью попытку, физически, финансово или эмоционально. В тот момент я чувствовала себя так, словно меня раздавили катком.

Чем больше восхождений я совершаю, тем чаще вижу, как повторяется одна и та же история. Динамика делового мира, моя предыдущая жизнь, будь это к лучшему или худшему, отражает динамику восхождений: то, как мы учимся, взаимодействуем; что происходит во время подъема и неудач, как меняется культура командной работы, сотрудничества. Я действительно считала, что диплом *MBA* поможет найти решение любых проблем, отделявших меня от вершины. Горы исправили мою ошибку.

Тем не менее друзья приветствуют меня, как героиню, потому-то, возвращаясь из очередной экспедиции, я с нетерпением жду встречи с ними. Мой муж, с которым мы вместе уже более 20 лет, – целый мир для меня, и с тех пор, как я была ребенком, с тех пор, как моя собственная семья распалась, я нашла убежище в создании особой семьи, где бы я ни оказалась. Мои друзья – первые, кому я озвучиваю все свои мечты, надежды и страхи. Когда я возвращаюсь домой с триумфом, они помогают мне не слишком погружаться в эйфорию от победы. Если возвращаюсь с неудачей, они снова вселяют в меня оптимизм. Джонатан не спешит разделять мой оптимизм, пока он не будет подкреплён цифрами.

В момент знакомства с мужем я пребывала на вершине мира и, говоря об этом, я имею в виду вовсе не Эверест. Я жила в Лондоне, только что получила диплом *MBA*, имела успешную карьеру в финансовой сфере. Джонатан, корпоративный бухгалтер, выживший в ледяной пропасти английской школы-интерната, где учился с 7 лет, счел все вышперечисленное неотразимо сексуальным. Он обожал мой «дух приключений», подразумевавший рискованные действия, в том числе умение повернуться на пятках, запрыгнуть на лыжный подъемник (хватать за перекладину!), готовность сделать все возможное, чтобы не опоздать на сафари. Мне кажется, все это лучше всего можно охарактеризовать словом «веселье»; благовоспитанные маленькие мальчики в английских школах-интернатах незнакомы с этим техническим термином. Кроме того, тогда Джонатан не знал (и узнал лишь позже, когда об этом стало известно и мне), что в моей жизни произошли ужасные события, которые не прекращали тревожить меня. Я просто очень хорошо умела никогда не говорить о них.

Теперь у меня это получается не так хорошо. Каждая покоренная вершина изменила меня: теперь я уже не так склонна скрывать свои переживания. Тем не менее я не стану утверждать, что альпинизм помог мне достичь юнгианской самореализации или как-то этак на меня повлиял. Я подписываюсь под классическим высказыванием Джорджа Мэллори, объяснявшего одному из репортеров в 1923 году, почему он хочет подняться на Эверест: «Потому что он есть. Само его существование – вызов». С этим я согласна. Но Мэллори продолжил: «Ответ инстинктивный, я полагаю, это отчасти желание человека завоевать Вселенную». Может быть, таково желание мужчины. Но не мое. Мне никогда не хотелось покорить К2, Эверест или любую другую гору. Я представляю себе, как забираюсь на колени матери-горы. Я бы никогда не смогла считать себя сильнее, величественнее, мудрее и благороднее, чем она.

Первыми на вершину К2 поднялись Лино Лачеделли и Акилл Компаньони, участники исторической итальянской экспедиции 1954 года. Первыми американцами, покорившими вершину, были Джим Уиквайр и Луис Рейхардт в 1978 году. Первой женщиной там стала польская альпинистка Ванда Руткевич в 1986 году, когда погибли тринадцать альпинистов, включая напарников Руткевич по восхождению. В 2017 году, через 31 год после Ванды, я стала первой американкой, оказавшейся на К2. Поскольку у меня двойное гражданство, я также стала первой британкой, поднявшейся на К2 и благополучно спустившейся оттуда. Это получилось лишь с третьей попытки. Мне было 52 года, и на тот момент я серьезно занималась альпинизмом меньше восьми лет.

Как и все остальные, я искренне удивляюсь тому, что опыт в бизнесе действительно подготовил меня к жизни, полной приключений и исследований. Да, между этими понятиями есть различия. Приключение – то, чем вы занимаетесь для себя; исследование – то, что вы делаете для потомков, то, чем вы платите долги. Не всегда удастся испытывать удовольствие в процессе получения удовольствия. Если по пути бывает весело, это здорово. Я обожаю планирование, исследования и особый дух экспедиций. Мое воображение захватывают потрясающие виды и щедрость местных жителей в разных странах. Какая это привилегия – испытывать гостеприимство и радушие народов Пакистана и Непала! Но непосредственный подъем на гору зачастую означает дискомфорт и мучение. С точки зрения психологии это мрачный тест, сколько раз вы сможете бодро спеть *Девяносто девять бутылок пива стояли на стене*, убавляя с каждым куплетом по одной. С точки зрения физической формы в лучшем случае это испытание бесконечными километрами, а в худшем – чистый кошмар. Обмороженные пальцы на руках и на ногах вздуваются, темнеют, а иногда и отваливаются. Когда неделями или даже месяцами живешь под открытым небом, никуда не спрячешься от сил природы. Чтобы приблизиться к высочайшим вершинам мира на расстояние крика, нужно совершить путешествие по странам третьего мира, где вода из крана временами опаснее, чем вихрь от турбины самолета, не говоря уже о местных бандитах, основным промыслом которых является захват альпинистов ради выкупа.

– Дождаться не могу, когда же мы уберемся отсюда подальше, – вздохнул однажды один из альпинистов, и это сомнительно-оптимистическое заявление всплывает у меня в памяти всякий раз, когда я вижу, как коровы поедают картонные коробки на краю сточной канавы, либо дети работают в поле. Эти слова приходят мне на ум всякий раз, когда я захожу в кишачий паразитами горный приют с земляным полом или задыхаюсь от вони в загаженном отхожем месте. Если я снимаю мокрый носок и нахожу буквально фарш там, где раньше была подушечка стопы, я напоминаю себе, что у надежды всегда есть оборотная сторона. Чтобы ощутить надежду, приходится пережить неудачи и разочарование. Так бывает и в бизнесе, и в жизни.

Но не так давно, перебирая старые семейные фотографии, я заметила кое-что, чего никогда раньше не видела. Почти на каждом снимке на заднем фоне видны какие-то горы. Вот картинка, где я малышкой лежу на пледе для пикника, расстеленном где-то на лугу. Мой отец, такой красивый, лежит, откинувшись на локоть, а за ним, как зубцы грабель, поднимаются уступы утеса в парке. Вот мы с моим младшим братом Беном: нас запихнули бок о бок в кресло аттракциона, он широко улыбается, а у меня такой вид, будто я замышляю кого-то убить. Сквозь шаткое ограждение видна пирамида далекой вершины. Большой Каньон, парк Йосемити, заповедник Йеллоустон – все обычные места, куда среднестатистическое американское семейство выбирается на отдых плюс множество заснеженных холмов и мысов, которые я не узнаю. Я вижу их сейчас, это великие стойкие часовые, неуклюжие в тени беспокойного времени, готовые поделиться своей грозной массой с миром, который вот-вот рухнет. Спустя долго время после того, как исчезла моя семья, горы вернулись и заявили на меня свои права.

Это история о том, как я поднялась на вершины высочайших гор мира и прошла по темным долинам, о которых мне нелегко говорить. Это история о стойкости, о ребенке, рожденном в любви для препятствий и лавин, и о том, как приключение всей жизни превращается в исследование. Кроме того, я расскажу, как ходят в туалет во время восхождений, ибо почему-то меня постоянно спрашивают об этом. Чтобы сделать рассказ максимально красочным, я перетасовала некоторых персонажей и кое-какие события, а разговоры постаралась воссоздать по своим воспоминаниям так, чтобы как можно лучше передать дух происходящего. По ряду причин многие имена были изменены. События, не имеющие отношения к рассматриваемой истории, я не упоминаю. Эти воспоминания не охватывают мою жизнь и карьеру во всей их полноте. Надеюсь, что окружающие меня люди поймут, что их присутствие или отсутствие на страницах этой книги не может служить мерилем их положения в моем сердце. Есть несколько

вариантов этой истории, и все они по-своему правдивы, как правдиво любое воспоминание об увиденном вместе с товарищем в неверном свете фонарика.

Когда среди моих друзей заходит разговор об этом, Стефани всегда утверждает, что это она заявила, что мне надо подняться на Эверест. Пиппа говорит, что все началось с какого-то сомнительного, вернее, очень сомнительного письма в электронной почте. Майя считает, что во всем виновата текила, и я склонна согласиться с ней, поскольку это история о неуправляемых духах. Впрочем, все эти неясные детали уже не имеют значения. Я предпочитаю быструю перемотку вперед, а не повторное проигрывание событий. Ностальгия – пустая трата кислорода, а сожаления имеют отвратительное свойство накапливаться и превращаться в лавину. Значение имеет лишь гора, что стоит впереди.

Часть I

Готовь ледоруб!

Глава 1

Мне нравится, когда жизнь направляет тебя в ту сторону, куда тебе совсем не хочется двигаться.
Мартин Нвеейя, морской биолог

Мы с Гонконгом поняли друг друга с полуслова: оба англичане по особому определению, а не по рождению, оба – гордые борцы типа А, оказавшиеся в подвешенном состоянии. Когда в 1997 году истек 99-летний срок аренды его территории Великобританией, колонию в Гонконге вернули Китаю. Маргарет Тэтчер договорилась о 50-летнем льготном периоде, в течение которого жителям Гонконга разрешалось сохранить свои британские чайные и принцип свободных выборов, однако в воздухе чувствовалась осязаемая нервозность. Никто точно не знал, каким будет будущее. Точно так же в 2009 году, когда глобальный экономический кризис потряс все уголки финансового мира, изменилось все, что мне было известно о собственном будущем. Не по своей вине и не по собственному решению мы с Гонконгом были выброшены из жизни счастливого процветания и оказались в чистилище неопределенности, и надо сказать, что Гонконг справился с этим лучше, чем я.

Когда я впервые перебралась в Лондон в 1999 году, женщину с дипломом *MBA* воспринимали, словно заглянувшего в дверной проем единорога. Сначала я была одним из самых молодых исполнительных директоров в *Morgan Stanley*, помогала создавать его Европейское потребительское подразделение, затем стала финансовым директором в *Barclays* и, наконец, коммерческим директором по обслуживанию пластиковых карт, *European Card Services*, в *Bank of America*. Я получала повышения, и под началом у меня было более двухсот человек. Я входила в состав правления компаний и посещала слишком много заседаний комитетов по управлению ими.

В первое десятилетие нашего брака мы с Джонатаном были одинаково привержены карьере, и занимались тем, что нам нравилось, ни в чем себя не ограничивая. Большую часть времени я проводила в Лондоне, а последние пару лет Джонатан жил в Токио. Я бы никогда не попросила его отказаться от карьеры, которая привела его в Азию, да и он ни за что не потребовал бы от меня бросить работу Лондоне, которую я так любила, и это был ключевой ингредиент уникального романтического клея, который удерживал нас вместе. Мы были классическим единством противоположностей, мы жили порой на разных континентах, встречались друг с другом как можно чаще в интересных местах между этими географическими точками. Мы ощущали себя достаточно комфортно в обществе друг друга и наедине с самими собой, чтобы никогда не нуждаться в такой близости, которая заставила бы кого-то из нас пойти на компромисс. Я никогда не считала наши отношения на расстоянии неприятным осложнением или недостатком. Они помогали нам не воспринимать друг друга как нечто само собой разумеющееся и подстегивали в нас желание посетить тысячи укромных уголков Юго-Восточной Азии, которые в ином случае мы бы никогда не открыли для себя. Я рассматривала свою карьеру как с трудом завоеванный кусок территории, где я приобрела свой собственный опыт, на который могла претендовать, если только не прекращала достаточно усердно трудиться, чтобы сохранить его.

Ужасно было узнать, что при самых благоприятных обстоятельствах понятие «стабильная работа» – всего лишь выдумка, утешительная сказочка, которой взрослые убаюкивают себя по вечерам. Когда экономика Лондона начала рушиться, банки перестали выдавать кредиты, а бизнес обанкротился. Великобритания последовала за США, переживая худший спад со времен рецессии 1929 года, и дорогие костюмы стали поспешно искать убежище. Атмосфера в моем шикарном офисном здании в Лондоне становилась заметно более разреженной по мере того, как оттуда утекали средства. Всякий раз, как я набирала номер с чьей-нибудь визитки, оказывалось, что телефон отключен, и мне казалось, что я вижу, как мой коллега падает в шахту лифта.

Я прожила в Лондоне достаточно долго, чтобы получить двойное гражданство – в придачу к американскому паспорту у меня был теперь и британский, так что в этой ситуации я оказалась не только между двух работ, но и между двух родных стран. Поскольку Джонатан базировался в Азии, его бизнес процветал, тогда как мой буквально испарялся, так что впервые показалось разумным найти место, которое устраивало бы нас обоих. Мы провели множество долгих ночных дискуссий о логистике и возможностях, о сравнительных налоговых ставках и всяческих факторах, благодаря которым где-то можно обрести новый дом. Когда мы отфильтровали все возможности, сопоставив их с картой самых привлекательных вакансий, осталось выбрать между Гонконгом и Сиднеем.

– Гонконг, – решила я. – Он вне конкуренции.

Действительно, вы только задумайтесь об этом: в Австралии проживают 60 % самых опасных сухопутных или морских тварей, включая пауков, змей и утконосов, с другой стороны, Гонконг – шестизвездочный, высокотехнологичный, первый в мире метроплекс, битком набитый обувными магазинами и новыми возможностями. Мне нравилось, как город трогает меня, в буквальном смысле. В Гонконге самая большая в мире система уличных эскалаторов и движущихся тротуаров, что позволяет каждому заниматься своими делами с максимальной быстротой. Китайцы придают огромное значение эффективности, трудолюбию и накоплению богатства. В этом я разделяю их убеждения. Гонконг располагал всем, что мне требуется для работы. Вот только самой работы не было. И осознали мы это в полной мере, лишь пробыв в этом городе некоторое время.

Никто на меня не давил, никто не требовал, чтобы я сразу же устроилась на работу. Я предусмотрительно отложила кое-какие деньги как раз на такой черный день, да и доход Джонатана помогал нам удержаться на плаву, но мне неприятно было находиться там, где у меня не было причин быть. Цель для меня была не просто делом чести, она была источником самоуважения. С тех пор как мне исполнилось 15, я ни разу не проводила целый день, не работая. Всю свою сознательную жизнь я куда-то ходила и где-то трудилась. И вот теперь я впервые перебралась куда-то, чтобы не работать, и тротуары Гонконга уносили меня вперед, помогая двигаться в никуда с максимальной эффективностью.

В фильме *Американский психопат*² есть сцена, в которой небольшая группа бизнесменов-руководителей сравнивает визитные карточки, оценивая друг друга по толщине бумаги и качеству печати, пока один из них не заставляет остальных замолчать, приглашая взглянуть на визитку Пола Аллена: это настоящий шедевр, с большим вкусом набранный на картоне желтоватого цвета шрифтом *Copperplate Gothic*. Отныне мне не было больше места среди счастливых коллег, занятых приятной корпоративной болтовней, как не было и визитки на тисненном картоне, которую можно было бы протянуть за ланчем. Если бы я предложила свою карточку, получатель обнаружил бы, что мой телефон отключен. Как оказалось, это я теперь лечу в шахту лифта. Когда я стояла в баре *Kee Club* с сотрудниками высшего звена, к числу которых я совсем

---

² «Американский психопат» – фильм ужасов 2000 года по одноименному роману Брета Истона Эллиса. Главную роль исполнил Кристиан Бейл.

недавно принадлежала, они не просто осуждали меня, нет, все было еще хуже, они смотрели сквозь меня, словно я стала прозрачной. В конце концов, я разговорилась с единственной женщиной среди присутствовавших: с управляющей баром по имени Стефани, и она представила меня своим чудесным подругам-эмигранткам, Пиппе и Майе. Вчетвером мы быстренько образовали компактное маленькое племя. Несмотря на то что происходили мы из совершенно разных слоев общества, у нас отлично получалось общаться и вести доверительный разговор: это была бесподобная смесь остроумия и сочувствия с сарказмом, причем ингредиенты подавались по мере необходимости.

Освоиться в Гонконге после Лондона оказалось несложно. Почти все говорили по-английски, и час чаепития считался священным. Красные телефонные будки и двухэтажные автобусы ничем не отличались от тех, что стояли на улицах Кенсингтона. Китайское искусство и архитектура незаметно вплетались в городской пейзаж, однако неприятно было слушать национальный гимн Китая перед вечерними новостями, которые транслировались по государственному телевидению на мандаринском диалекте³, а не на кантонском⁴, на котором говорят коренные жители Гонконга, и уж точно не на английском. Это была откровенная пропаганда китайского национализма, проводимая назначенным правительством Комитетом по содействию гражданскому воспитанию. На углу напротив магазина *7-Eleven* в Коулуне раньше находился уличный книжный развал под названием *Книжный магазин Вонг Фук Хина*. Люди шутили, что если вам никак не удастся найти то, что нужно, должно быть, вы находитесь в *Книжном магазине Вонг Фук Хина*. Я начинала ощущать это на космическом уровне: место Вонг Фук Хина, время Вонг Фук Хина. В Гонконге кипела бурная деятельность, но я мечтала о цели, в которую могла бы с наслаждением вцепиться.

Я настояла на том, чтобы оборудовать себе рабочее место в нашей квартире. Кем бы я была без своего офиса? Я не знала и не хотела этого знать. Еще до того, как я научилась водить машину, поняла, что именно работа определяет человека, именно она дает ему возможность обрести свое место в мире. Моя первая работа была типичной для американского подростка: сначала присмотр за детьми, потом – в фастфуде, где я переворачивала гамбургеры, доставка газет и обслуживание столиков. Тогда у меня не было выбора – трудиться или нет. Когда я училась в средней школе, я была несовершеннолетней, но эмансипированной: жила самостоятельно в двухэтажном доме в колониальном стиле в пригороде Детройта, давно принадлежавшем моей семье. Комната, до которой никому не было дела, служила естественным убежищем для всякого, кому надо было скрыться от родителей. Куча народу то приходила, то уходила, однако у меня было собственное компактное племя – мой друг Аспен плюс еще несколько человек, на которых я могла положиться. Они помогали мне готовить, убирать, содержать в порядке большой двор и вышвыривать за дверь пьяниц, когда это было необходимо.

После целого дня учебы и полной смены на работе мы делали домашнее задание и усаживались на диван перед телевизором, словно шенки в клетке. Оглядываясь назад, с точки зрения пресыщенного взрослого, я нахожу примечательным тот факт, что без всякого надзора со стороны взрослых нам удалось создать это ядро стабильности. Нам нужна была семья, поэтому мы создали ее сами и сделали ее функциональной. Каждый играл необходимую роль, и моя роль была Скалой. Я хотела быть похожей на Дастина Хоффмана в *«Марафонце»*, уметь стои-

---

³ Мандаринский диалект – крупнейший из диалектов китайского языка, самый употребительный в стране. В западной литературе севернокитайский обычно называют мандаринским китайским, название возникло как калька с китайского «гуаньхуа» – «речь чиновников-мандаринов». В России, говоря «китайский язык», как правило, имеют в виду именно его северную разновидность.

⁴ Кантонский, или гуанчжоуский, диалект – один из китайских диалектов, появившийся в Кантоне (французское название Гуанчжоу). В материковом Китае выполняет роль языка межнационального общения в провинции Гуандун и некоторых прилегающих к ней районах. Его используют жители Гонконга и Макао в повседневной жизни.

чески противостоять боли и страху. «Я – скала!» – я повторяла эту мантру, когда была совсем измучена и с трудом доживала до закрытия кафе, где работала. «Я – скала. Я – скала!»

Благодаря одной из программ «перекрестного опыления» работы со школой мне удалось получить место в процветающем агентстве недвижимости. Моя начальница была потрясающим бухгалтером и суперкрутой мамой, чей сын играл в группе *Romantics*, детройтской группе новой волны⁵, которая попала в сотню лучших композиций по версии *Billboard* со своим хитом *What I Like About You*. Как и сама песня, мама одного из *Romantics* была безжалостно прямолинейной, все успевала и везде бывала. Она превосходно вписывалась в толпу поклонниц в кожаных юбках, когда музыканты выступали в центре Детройта, и иногда, когда я проявляла особое старание на работе, она брала меня с собой.

На дворе был 1983 год, переломный момент, когда электрические пишущие машинки все еще были стандартным офисным оборудованием, но компьютерам вот-вот суждено было стать частью нашей жизни. Офис мамы музыканта из *Romantics* располагался на самом переднем крае всего этого, потому что зверюга со множеством щупалец – мультилистинг – оказалась такой естественной точкой проникновения к нам компьютеров. Недвижимость – элегантная бинарная бизнес-модель: вам нужен дом, у меня есть дом, вот и давайте делать бизнес. Риелторы стали идеальными ранними приверженцами культа компьютеров, высокомотивированным самостоятельным видом, людьми, которые каждое утро поднимаются с постели и уже готовы куда-то бежать. Работая в том офисе, я была захвачена их резонирующей энергией и многое узнала о бизнесе в сфере недвижимости.

Короче говоря, мы с той работой изменили друг друга. Разница между конторой по продаже недвижимости с пишущей машинкой и конторой по продаже недвижимости с компьютером – это разница между мной, когда я только начала там работать, и мной, когда я пошла в колледж. Когда мне исполнилось 18 и отец продал дом нашей семьи в Мичигане, мне хватило смекалки сделать первый шаг по лестнице владельцев недвижимости, я приобрела собственное жилье в Нью-Йорке и была полностью увлечена движением по этой лестнице. Это давало мне силы. Как любой ребенок из неблагополучной семьи, я жаждала стабильности, но, родившись под знаком Стрельца, я также желала пустить свою стрелу подальше и исследовать новые горизонты. Недвижимость, инвестирование в целом, если делать это правильно, – может стать восхитительным сочетанием того и другого.

В Гонконге из окон, размером от пола до потолка, рядом с моим до боли чистым письменным столом открывался панорамный вид на город. Я наблюдала, как в утренний час пик скапливается транспорт, и ждала какого-то знака; ноги подрагивали, готовые унести меня куда-то, пальцы постукивали, желая скорее начать ставить галочки в списке выполненных дел. Бумажная салфетка, электронная таблица, каменная табличка – если мне удастся занести какое-то дело в список, я смогу его выполнить. Первые списки я затвердила в катехизисе: семь смертных грехов, четырнадцать стояний крестного пути, десять заповедей. Я рано на собственном опыте выучила, что список – лучший путь к ответственности. Позже, став протеже Джека Уэлча⁶ по обучению лидерству в *General Electric*, я познакомилась с его высокоуровневым брендом составления списков, как способа постановки целей и уточнения стратегии. Я помню, как изучала его почерк на бумаге, словно это Кумранские рукописи⁷.

---

⁵ Новая волна – музыкальное направление, обозначает различные жанры рок-музыки, возникшие в конце 1970-х – начале 1980-х годов и порвавшие стилистически и идейно с предыдущими жанрами рока. Характерной особенностью направления стало использование синтезаторов, важность стиля и разнообразие.

⁶ Джон Фрэнсис Джек Уэлч-младший (1935–2020) – американский предприниматель. В 1981–2001 годах – генеральный директор *General Electric (GE)*.

⁷ Кумранские рукописи, или Свитки Мертвого моря, – название манускриптов, обнаруженных в пещерах Кумрана и ряде других пещер Иудейской пустыни. Свитки датируются периодом с III века до н. э. по I век н. э. и имеют огромное историческое, религиозное и лингвистическое значение.

Мой список (нет, Список с большой буквы!) был составлен в течение нескольких месяцев; я не просто нацарапала его, почесав макушку. Я действительно обдумала его, задавая себе трудные вопросы о намерениях и логистике. Я провела инвентаризацию своих внутренних и внешних активов. Легко определяемые ресурсы включали мои сбережения, образование и давно не использовавшуюся лицензию специалиста в области эстетики. Более скользкие, скорее, даже эзотерические свойства включали в себя такие качества, как упорство, готовность учиться, интенсивная концентрация и терпение супруга, на равных взаимодействующего с партнером. Провести инвентаризацию такого рода было несложно: прояснить, чем я располагаю, подсчитать «синиц у себя в руке». Потом я начала соображать, что же мне нужно.

Когда стояла теплая погода, я гуляла и размышляла об этом. Когда дождь или уведомление о том, что на Гонконг надвигается тайфун, удерживали меня дома, я размышляла об этом на беговой дорожке. Думала, наблюдая, как Джонатан строит модель клипера на столешнице в кухне, вертя мачту между пальцев и тщательно подбирая детали. Я держала свои размышления при себе, пока не определилась с пятью конкретными пунктами, которым предстояло определить параметры моей новой цели. Я записала их, окончательно сформулировав и прояснив, на что потребовалось несколько порций текилы в *Kee Club*, и лишь после этого я почувствовала, что готова поделиться своим Списком с подругами.

– Во-первых, нужна цель, – заявила я. – Четко сформулированная конечная цель.

– Найди свою цель, дорогая, – Стефани подняла стопку. – Откопай ее.

– Во-вторых, успех должен поддаваться измерению количественно. Нужно нечто, что я смогу воплотить и сказать: «Да! Я сделала это. На все 100 %».

– Или, знаешь, на 92 %, – подсказала Пиппа. – За попытку тоже дают очки.

– Ровно 100 %. Не меньше, – огрызнулась я. – И к черту эту мерзость о том, что «мы все особенные».

Мы выпили за то, что мы все особенные.

– В-третьих: я хочу построить план на ближайшие 2–3 года. Хочу начать прямо сейчас. И сделать дело. Финансовый сектор вернется в прежнее русло к 2012 году. Я снова займусь своей карьерой и забуду о том, что было.

Слава Богу, что моя новая цель не имела никакого отношения к экономическим прогнозам, потому что я оказалась в корне не права.

– В-четвертых, – продолжила я, – дело должно быть сложным, даже дерзким.

– За дерзновение! – Майя налила еще по одной.

– В-пятых: последний пункт, но он тоже важен. Новое дело не должно иметь никакого отношения к финансовому сектору. Это очевидно. Никаких циклических ссылок.

– Дорогая, ты вдохновила меня своим списком, – призналась Пиппа. – Честное слово. Нам всем нужна великая цель, и чтобы она жгла нас изнутри, как язва желудка.

– За жизнь со множеством целей! – Стефани снова наполнила стопки.

– Так к чему же все это сводится? – уточнила Майя. – Какой будет твоя новая цель?

– Я работаю над этим, – призналась я, – подумала, может, мне попробовать найти лекарство от малярии.

– Ох, – Майя отвела глаза. – Не то, чтобы я была пессимисткой...

– Это же прекрасно, Ви, – сказала Пиппа, – но серьезно, ты собираешься управиться за 2–3 года? Я бы предоставила это Фонду Гейтса. Почему бы тебе не придумать какой-нибудь лосьон или крем? У тебя это хорошо получается.

– В таких занятиях нет четко сформулированной конечной цели. Такой проект просто повисает в воздухе, словно запах дуриана. Хотя... Если задуматься обо всех этих антиоксидантах...

– Получи черный пояс, – посоветовала Майя. – Ты будешь потрясающе смотреться в белом кимоно для единоборств.

- А как же фактор дерзновенности?
- Хочешь ограбить банк?
- Говорю вам, это *не должно иметь отношения* к финансовому сектору.
- Поднимись на Эверест, – предложила Стефани.

По крайней мере, мне кажется, это была Стефани. Или Стефани сказала, что сама собирается забраться на Эверест? После третьей-четвертой порции текилы все как-то расплывается, но данное предложение ничуть не показалось мне нелепым. Я ведь по своей природе склонна забираться все выше. Я выбралась из-под руин полностью разрушенного семейного дома и создала свой собственный, идеальный и функциональный взгляд на ячейку общества, еще в 15 лет сформировав ее из друзей, состав которых постоянно менялся. Шаг за шагом я забиралась все выше, получая образование – диплом об окончании четырехгодичного колледжа, расположенного по соседству, а потом я преодолела множество всяческих препятствий на пути к получению диплома *MBA*, сначала отраслевого, в *General Electric*, а затем и после очного обучения в Школе бизнеса Леонарда Штерна при Нью-Йоркском университете. Я забиралась все выше по карьерной лестнице в бизнесе с рейтингом AAA, который кое-что да значил на Уолл-стрит в эпоху, печально известную жесткостью условий в деловом мире. И я уже побывала на горе Килиманджаро.

В тот раз моя экспедиция в 2005 году начиналась почти так же, как сейчас: сначала была гипербола. Я всегда придумывала самые невероятные планы на отпуск, тогда как остальные говорили о том, чтобы вернуться домой на семейное сборище в духе Нормана Роквелла⁸. Отличие Килиманджаро и Эвереста – и это одна из причин, почему мне так понравилась эта гора, – заключается в том, что восхождение на Килиманджаро можно проделать вместе с теми, кто совсем не обязательно будет закоренелым альпинистом. Гора Килиманджаро – спящий вулкан в Танзании, это главная вершина Африканского континента, ее высота достигает 5895 м. Восхождение – не прогулка по парку, но все же это приятное двухнедельное путешествие, которое можно проделать в обычных походных ботинках. На Килиманджаро поднимались и 6-летний мальчик из Америки, и 88-летний ортодонт-пенсионер, и сотни тысяч других людей. Я была в хорошей форме для банкира, но я вовсе не спортсменка по натуре или по воспитанию. Я отметила 40-летие всего за несколько месяцев до того, только что вступив в десятилетие мудрости и зрелости, тот средний период жизни женщины, когда она осознает, что главным авторитетом в мире для нее является она сама. Джонатана не заинтересовала эта грандиозная авантюра, поэтому я привлекла к ней одного из немногих людей, на которых всегда и во всем могу рассчитывать.

- Килиманджаро? – переспросил Аспен. – Черт возьми, да!

Вот именно поэтому номер Аспена я всегда заново в меню быстрого набора, хотя иногда между моими звонками ему проходят годы. 9 декабря 2005 года мы вылетели из аэропорта Хитроу в Кению, переночевали в Найроби, а затем на местном самолете-тарактелке отправились в Танзанию. Широкие и сухие холмистые луга простирались между деревнями и заснеженными горами на горизонте. В первый день мы 6 часов шли пешком по утоптаным тропам через густые леса и пышную растительность. Иногда на склоне холма попадались вырубленные ступени, укрепленные железнодорожными шпалами. Во второй день мы лезли вверх по валунам и каменистым тропинкам, усеянным кустарником и маленькими корявыми деревцами, они были покрыты мхом и напоминали мне дома с привидениями. На закате мы добрались до лагеря Шири на высоте 3749 м и вдалеке рассмотрели вершину, до которой было еще 4 дня ходу. Она выступала высоко в небе над облаками, словно остров в море. На третий день мы

---

⁸ Норман Роквелл (1894–1978) – американский художник и иллюстратор, известен своими идеалистическими, необычными или сентиментальными изображениями жизни в Америке.

сменили шорты и футболки на свитера, толстовки и шерстяные шапочки с клапанами на ушах. Мы с трудом поднялись на острый гребень под названием Акулий зуб, и перевалили через него.

Все это время я была преисполнена энергии и бодрости, то и дело отбивалась от группы, чтобы взбежать трусцой на холм или свернуть в сторону, пофотографировать. Мерно и размеренно шагавшие проводники раздражали меня тем, что то и дело говорили мне: «*Pole, pole*», что на суахили означает «медленно, медленно».

– Я в порядке, – отвечала я им каждый раз. – Со мной все нормально!

– *Pole, pole*, мисс. Надо акклиматизироваться.

Аспен мудро последовал их совету, но я продолжала метаться туда-сюда, пока вдруг... Невозможно по-настоящему понять, что такое акклиматизация, пока не почувствуешь, как все тело превращается в мокрый цемент. Я вдруг поняла, что больше не могу бежать. Я едва поспевала за остальными и с трудом переводила дыхание. Нахальный проводник засмеялся и сказал: «Вот это, по-друга, и есть акклиматизация».

Люди говорят «разреженный воздух», но воздух на уровне моря точно такой же, как и на вершине Эвереста: 21 % кислорода, 78 % азота и целый набор прочих газов вроде аргона, углекислого газа и случайных молекул, заставляющих нас интересоваться: «А чем это тут пахнет?» А вот атмосферное давление с высотой меняется. Когда давление падает, молекулы кислорода отдаляются друг от друга. На уровне моря, в непосредственной близости от лица человека, всегда есть нужное количество молекул кислорода. Выше облаков их не так уж и много. Именно поэтому, если летящий самолет разгерметизируется, давление в нем падает, а системы жизнеобеспечения пассажиров выбрасывают для них кислородные маски. Потому же и альпинисты медленно движутся на высоте.

Мне еще многому предстояло научиться, но Килиманджаро помог мне впервые ощутить, что такое акклиматизация, так что, если уж на то пошло, я усвоила мантру «Поднимайся повыше, устраивайся на ночлег пониже». Два шага вперед, один назад. Вверх, к стене нависающих скал, и вниз, к лагерю на высоте 3962 м. Вверх до края кратера и вниз, к лагерю на отметке 4572 м. Идешь и понемногу уговариваешь организм вырабатывать побольше богатых кислородом красных кровяных телец.

Мы выступили в одиннадцать часов вечера и шли, то поднимаясь, то спускаясь бесчисленное число раз, шагая под полной луной с густым облачным покровом внизу. Было холодно, и мы кутались в зимние одежды, ориентировались при свете фонарей-налобников, которые подсвечивали рельеф вокруг нас, придавая ему зловещий вид. Сначала мы добрались до точки Стелла-Пойнт, сделали там небольшой привал и через 45 минут добрались до пика Ухуру⁹, где впервые увидели ледники. Восходящее солнце озарило лысую вершину и скалистые пепельные ямы и осветило наши измученные, ликующие лица.

Не так давно я спросила у Аспена, что ему больше всего запомнилось на Килиманджаро.

– Помнится, ты жаловалась на то, что надо экономнее расходовать туалетную бумагу, у тебя она заканчивалась, и тебе пришлось одолжить рулон у меня, – ответил Аспен. – Во время последнего ночного восхождения я переволновался, когда у меня отключился подогрев одной перчатки, и я уж было решил, что отморожу руку. Всей группе пришлось сделать остановку, чтобы я сумел запахнуть в перчатку новую грелку. А еще я заработал солнечный ожог на лбу к тому времени, как мы, наконец, добрались до вершины. Меня предупреждали, что нельзя снимать шапку, а я ее снял. У меня потом два дня весь лоб был багровый. А еще от нас всех воняло потом и газами.

О, да. Никто не скажет вам, что газоиспускание – способ, которым организм сигнализирует об акклиматизации. Акклиматизируетесь вы, акклиматизируются все остальные. Восхож-

---

⁹ Пик Ухуру – высшая точка кромки кальдеры и, соответственно, высочайшая точка Африки, о чем гласит специально установленный там знак. Высота – 5895 м.

дение на гору надо попробовать с тем, кого вы знаете очень хорошо, или же с тем, кого вы вообще не знаете, и дело тут в том, что тело выдает множество самых непредсказуемых реакций на большую высоту. Я тоже запомнила, как Аспен тащился рядом, пыхтя через обе ноздри: он не сдавался, несмотря на серию сильнейших кровотечений из носа. Понятно, что вывод можно сделать только один. Бери с собой побольше туалетной бумаги. Альпинисты называют ее «горной валютой».

Я благословляла и проклинала большую камеру, которая тяжело висела у меня на шее, колотя в груди при каждом шаге. Я отщелкала сотни снимков, от которых буквально захватывает дух, но на спуске сняла всего несколько кадров. Пока я проводила исследования, готовясь к своему первому восхождению на Эверест, просмотрела сотни часов видео – люди поднимаются, добираются до вершины, ликуют, но мало кто снимает хоть что-то на спуске. Создается впечатление, будто люди идут вверх в течение нескольких дней или недель, а затем какой-то волшебный фуникулер благополучно доставляет их вниз. Правда в том, что, когда добираться до вершины, там ты вдруг сталкиваешься с реальностью и осознаешь: вершина – не цель; это только половина пути к настоящей цели, а она заключается в том, чтобы вернуться домой живым. Вершина – лишь отметка на полпути.

Теперь вам предстоит включить обратную перемотку и заново проделать весь путь, снова сразиться с гравитацией, тяжело бьющей по коленным суставам, но ощущая при этом лишь малую долю адреналина, который гнал вас вверх. То же самое бывает и в бизнесе. Впечатляющий крах и разорение станут отличным фоном для потрясающей истории, если только они будут условиями не менее впечатляющего возвращения, однако мало написано о том, что придется испытать и пережить тем, кто заново начинает движение к вершинам любой карьеры. Никто не говорит о том, что крушение карьеры сопоставимо с утратой семьи, с проигрышем мирового чемпионата, с потерей коробочки с ланчем, причем в одно и то же время. Никто не скажет, что вам ни за что не узнать, получится ли у вас когда-нибудь снова встать на ноги.

Тогда я еще не вполне осознавала все это, но тот первый год в Гонконге стал для меня спуском с пика карьеры, на который я забиралась в течение 20 лет. Поставленный мной срок в «ближайшие 2–3 года» был попросту смехотворен. Теперь я не могу себе представить, почему мне тогда казалось, что «нормальная жизнь» еще вернется, как не понимаю, почему мне вообще этого хотелось. Очевидно, я отказывалась принять реальность, принять тот факт, что жизнь, которую я выстроила для себя, жизнь, которой я так гордилась, которую я так любила, просто закончилась. Я никогда раньше не задумывалась о том, сколько горечи и боли приносит подобное осознание. В контексте альпинизма, спуск – время, когда случается больше всего смертей и, вероятно, резче всего меняется жизнь. Самые страшные страхи. Самое пугающее одиночество. Те самые моменты, когда ты вот-вот отправишься к Иисусу. Но ты не отпускаешь себя туда. Просто продолжаешь шагать и ставишь одну ногу перед другой.

Мы с Аспеном прошагали большую часть спуска с Килиманджаро, не разговаривая, сосредоточив свои мысли на дыхании и только что пережитом смирении перед горой.

– В основном, – говорит теперь Аспен, – я помню полную тишину и бесконечные виды. Камни звенели, когда мы шли по ним, словно бьющееся стекло.

На следующее утро после текилы с подружками я проснулась с легким похмельем еще до рассвета, и лежала, слушая, как Джонатан храпит, как морской лев. У британцев есть чудесный фразеологизм: «монетка упала». Так говорят о моменте, когда идея проскакивает к нам в голову, будто монетка падает в щель, и эта идея оказывается до того кстати, что приводит все в движение. В таксофоне устанавливается соединение. Плеер начинает проигрывать запись. В пинболе бешено рикошетит шарик. Вот и тут я вдруг совершенно ясно осознала свою новую цель. Подъем на Эверест соответствовал всем пунктам моего Списка с большой буквы:

1. Четко сформулированная цель. (Восхождение на Эверест.)

2. Количественно измеряемый успех. (8 848 м для британки, 29 035 футов для американки.)

3. Срок от 2 до 3 лет. (Вполне выполнимо при наличии решимости и оптимизма.)

4. Дерзновенность/сложность (называй, как хочешь).

5. Никакого отношения к финансовому сектору. (Вуаля. Флаг поднят.)

Я знала, что некоторым это решение показалось бы случайным, но все это были не те люди, мнение которых имело значение для меня.

– Муженек, – заговорила я, – я собираюсь подняться на Эверест.

Джонатан сморгнул сон и поинтересовался: «И во что нам это обойдется?»

Глава 2

С тем же успехом можно спросить: а зачем забираться на самую высокую гору в мире?.. Мы решили отправиться на Луну в этом десятилетии и заняться другими делами, и не потому, что они легкие, но потому что они трудные...

Джон Ф. Кеннеди «Лунная речь», 1962 год

Как и любое великое дело, восхождение на Эверест требует сочетания возможностей и готовности. Некоторые ингредиенты относятся к категории «есть или нет» – сосредоточенность, желание, огонь внутри – но, если оставить в стороне Божий промысел, проконтролировать остальное вполне вам по силам. Любому навыку можно научить и, следовательно, любому – можно научиться. Физическая подготовка вполне может сочетаться с целеустремленностью и упорным трудом. Где бы вы сейчас ни находились, именно это ваша отправная точка для всего, что будет дальше, а начало всех начал – информация. Мой болезненно чистый стол быстро загромодили книги, карты, DVD-диски и наспех нацарапанные заметки. Google стал моим новым лучшим другом.

Найти: восхождение на Эверест

48 700 000 результатов. Первые несколько записей – оплаченная реклама консультантов и экспедиций, и большинство из них задавали один и тот же вопрос. *А есть ли у вас то, что для этого нужно?* При этом вопросе у меня дергалось колено, и я быстро отвечала. *Да, есть!* Однако я была достаточно прагматична, чтобы проверить все как следует.

Найти: что нужно для восхождения на Эверест.

Стоит набрать это сегодня, и в верхних строках всех 21 800 000 результатов попадется статья из *New York Times* под заголовком «*Вы хотите подняться на Эверест? Вот что для этого нужно*» или сообщение в каком-нибудь блоге под названием «*7 необходимых вещей для восхождения на Эверест*». Увиденное мною в 2010 году было менее обильным источником информации. Эверест требует от современных альпинистов того же, что он потребовал от Тенцинга и Хиллари¹⁰, первыми взошедших на вершину в 1953 году: силы воли и духа, физической выносливости, невероятных альпинистских навыков, большого везения и глубокого уважения к самой горе на основе исчерпывающих знаний о ней. Мне пришлось заняться самообразованием, причем с нуля, поскольку я и была этим самым нулем, уж простите мне такой каламбур.

Найти: гора Эверест.

Гора Эверест, высочайшая точка Земли. В Непале Эверест называют Сагарматха, а в Тибете – Джомолунгма. Она возвышается между Непалом и Китаем, а международная граница проходит прямо через вершину, где альпинистов иногда атакуют свирепые ветры, скорость которых достигает 144 м/сек. Гора была названа Эверестом по решению Королевского географического общества Великобритании в 1865 году в честь британца сэра Джорджа Эвереста, главного геодезиста Индии в то время, но я сомневаюсь, что это хоть что-либо значило для могучей Джомолунгмы.

На вершину Эвереста ведут два популярных маршрута: путь через Южное седло начинается в долине Кхумбув Непале, а через Северо-восточный хребет – из Китая. Существуют разные мнения о том, какой маршрут безопаснее, и я быстро обнаружила, что альпинистское сообщество с готовностью подхватывает высокопарные дебаты на любую тему, от международной политики до количества нитей у вас в носках. Наиболее резко часто высказываются кабинетные авантюристы – в Америке о таких говорят: «Шляпу надел, а скот не завел». Однако

---

¹⁰ Тенцинг Норгей (1914–1986) – непальский шерпа, альпинист. Вместе с Эдмундом Хиллари первым покорил Эверест в 1953 году.

надо сказать, что в мире альпинизма в целом царит жесточайшая конкуренция. Разгораются настоящие баталии по поводу того, кого считать самым первым или самым быстрым, у кого была какая финансовая поддержка, кто шел вверх с дополнительным кислородом или одной лишь таблеткой детской аскорбинки в зубах, чтобы разжижить кровь. И не дай Бог кому-нибудь принять взрослую таблетку витамина С и не отчитаться об этом.

Все это меня немного удивило, потому что, хотя я и люблю дух конкуренции, первым впечатлением об альпинизме было то, что это никак не соревновательный вид спорта, и именно этим он меня и привлек. Все вершины-восемитысячники были покорены еще до моего рождения. Я не рассматривала восхождение, как игру без ставок; по крайней мере, мой подъем на Эверест не помешал бы сделать это никому другому. Единственный человек, с которым я хотела потягаться, была я сама, моя готовность выйти за пределы доступного мне тогда, когда я чувствовала, что не могу идти дальше. У меня не было никакого желания спорить с кем-либо, поэтому я затаилась и не участвовала в полемике. «Попробуй сначала понять» и все такое.

Спускаясь в кроличью нору альпинистских форумов, блогов и периодических изданий, я принялась составлять список всего, что предстояло приобрести, однако перечень «вещей, которые мне понадобятся для восхождения на Эверест», превратился, скорее, в словарь, став моим первым знакомством с языком альпинизма.

Жумар: защелкивающийся зажим, который можно продвинуть вверх, но он не соскальзывает вниз и помогает владельцу взбираться по веревке, как целеустремленному червяку.

Карабин: металлическая скоба с подпружиненным затвором для соединения двух концов, которые, возможно, будут разъединены в страшной спешке. Или, наоборот, удержат вас и благодаря этому спасут вам жизнь.

Кошки: шипастые металлические приспособления, которые пристегиваются к ботинкам и позволяют подниматься по ледяному склону, как манящий краб¹¹. Изобретение 1908 года от британского альпиниста Оскара Экенштейна, руководителя первой экспедиции, предпринявшей документально подтвержденную попытку подняться на К2.

Каждый предмет уводил меня в сторону, повествуя нечто увлекательное из истории, культуры и науки альпинизма. Я узнала, что углубление, заполненное льдом и снегом, именуется *кулуаром*, а дексаметазон применяют для лечения острой высотной болезни, которая возникает, если мозг или легкие оказываются лишены кислорода и распухают, как воздушный шар, налитый водой. На пути встречались бесчисленные анаграммы: *НАР* – высокогорный носильщик, не путать с *НАРЕ* – высотным отеком легких. «*НАР*, страдающий от *НАРЕ*» – еще того не легче, мозги у меня так и распухали.

Сдается мне, Джонатан ожидал, что я проведу несколько недель, погрузившись в исследование, и приду к разумному выводу, что это была безумная прихоть, над которой мы когда-нибудь всласть посмеемся, но чем больше времени я проводила, разрабатывая свою идею, тем глубже она укоренялась во мне. Она подцепила меня изнутри, как зазубренный крючок, пробудив особый вид возбуждения, надежды и любопытства.

Чтобы проникнуться духом экспедиции, я заказала DVD-диски с сериалом «*Эверест: За гранью возможного*» от канала *Discovery*. Съёмочная группа следовала за новозеландским альпинистом Расселом Брайсом и его проводником, шерпой Пхурбой Таши, пока они вели экспедиции на вершину Эвереста. Я быстро просмотрела первые два сезона, и к тому времени, когда они закончились, я вполне сумела по-настоящему проникнуться всеми пугающе-реальными ощущениями, которые испытывают альпинисты, особенно в «Зоне смерти»¹² на высоте

---

¹¹ Манящий краб, или краб-скрипач, – представитель типа членистоногих класса ракообразных. Особенность – гигантская (весьшая до половины самого краба) правая (боевая) клешня. Во время перемещения краб продельвает ею определенные движения, словно приманивая к себе особей противоположного пола или отпугивая возможных врагов.

¹² «Зона смерти» – альпинистский термин, которым обозначаются высоты от примерно 8000 м над уровнем моря и выше, либо высоты, где атмосферное давление ниже 267 мм рт. ст., а уровень кислорода в воздухе недостаточен для поддержания

более 7924 м. От вида обмороженных, почерневших стоп пальцы ног у меня крючились и становились похожи на орешки кешью. Кто-то в фильме со стоном жаловался, что из-за высоты он запачкал штаны в самый момент истины. Другой альпинист жаловался, что экспедиция обошлась ему в 40 тыс. долларов, а он ведь даже не собирался подниматься на вершину. Вне всякого сомнения, было рано упоминать такой неприятный факт в разговоре с Джонатаном. Столь же предусмотрительно я решила не говорить о замерзших трупах, вид которых шокировал зрителей в трейлере этого сериала.

На Эвересте есть свои призраки. Когда в 1999 году было обнаружено тело Джорджа Мэллори, он лежал лицом вниз на склоне горы, где пролежал 75 лет, его туловище было захлестнуто оборванной веревкой, а руки раскинуты в сторону, что указывало на попытку замедлить стремительный, вышедший из-под контроля спуск. Ткань его твидового костюма истлела, осталась только бирка с надписью «Дж. Ли Мэллори», но кожа на его обнаженной спине осталась удивительно нетронутой, как белый мрамор, высеченный Микеланджело. Тело Ханнелоре Шмац, первой женщины, погибшей на верхних склонах Эвереста, пролежало 20 лет, она замерзла полулежа, прислонившись к истлевшему впоследствии рюкзаку и устремив взгляд на далекий гребень. Альпинисты проходили мимо, поднимаясь и спускаясь по Юго-Восточному гребню, а она так несла свою безмолвную вахту, пока сильный ветер не сбросил ее вниз со Стены Кангшунг куда-то в пропасть, и место ее последнего пристанища оказалось неизвестно. «Спящая красавица»¹³, «Зеленые ботинки»¹⁴ – вполне достаточно историй, чтобы рассказывать их в долгие темные ночи в Базовом лагере. Эти образы то и дело возникали на протяжении всего моего исследования, появляясь и исчезая, пока снег и лед перемещались вокруг них.

Я не могла не отметить, что на протяжении большей части сериала *«Эверест: За гранью возможного»* Моника, врач экспедиции, оставалась единственной женщиной в поле зрения. Почти все альпинисты были мужчинами, они штурмовали лед и карабкались по не знающему пощады леднику, и ими двигали чистый тестостерон и кураж. На мой взгляд, все это ничуть не отличалось от того, что подстегивает работающих в сфере финансовых услуг.

– С Эверестом все понемногу проясняется, – сообщила я Джонатану. – Я имею в виду, с точки зрения логистики все вроде ясно. Туда отправляются многие, и у них получается. Каждый сезон свои услуги по сопровождению экспедиций предлагает куча профессиональных проводников. У меня получится.

– В этом я не сомневаюсь, – отозвался он, – но какой ценой? Ты всю свою карьеру проработала в финансовом секторе. И вдруг ни с того ни с чего кажется, что ты не знаешь, как подвести баланс в чековой книжке. Ты же десятилетиями работала и откладывала сбережения, чтобы безбедно жить, когда отойдешь от дел. И вот теперь ты заявляешь, что готова инвестировать большую часть своих сбережений... А кстати, во что?

– Джонатан, что ты хочешь от меня услышать? Я сейчас чувствую себя, как наказанный ребенок, которого посадили на стул посреди комнаты, и при этом пытаюсь рационально обосновать решение, которое большинство людей сочтут совершенно иррациональным. Легко объяснить, почему я не должна никуда идти, и невозможно объяснить, почему должна. Ну не знаю я, что гонит быка к красной тряпке или лосося против течения. Просто знаю, что мне это нужно. Мне нужно знать, обладаю ли я тем, что требуется, чтобы совершить восхождение. И выжить.

Джонатан приводил самые обоснованные доводы, какие только можно было придумать, но, к его чести, он не пытался подначивать меня и не ставил ультиматумов. Заглядывая в буду-

---

нормальной жизнедеятельности человека.

¹³ «Спящая красавица» – труп американской альпинистки Фрэнсис Арсентьев (1958–1998). Она стала первой женщиной в истории США, совершившей подъем на Эверест без дополнительных источников кислорода.

¹⁴ «Зеленые ботинки» – труп альпиниста в ярко-зеленых ботинках, который в 2001–2014 годах был широко известной отметкой высоты 8500 м на северо-западном склоне Эвереста. Тело исчезло после землетрясения 2014 года.

щее наметанным глазом опытного бухгалтера, он прикинул, во что нам обоим обойдется моя авантюра. Подготовка к экспедиции поглотит все мое время и внимания, не говоря уже о значительной части моих накоплений, потому что я не собиралась экономить на том, что так или иначе связано с безопасностью. И это было единственное, в чем наши взгляды полностью совпадали. Книги, блоги и документальные фильмы мало уделяют внимания тому, что означает любить близкого человека, который настаивает на своем увлечении альпинизмом, однако это мучительная проверка силы воли ваших близких. И теперь я вполне это понимаю.

Когда я отправилась к Пиппе, надеясь, что она проявит сочувствие, она сказала:

– Ви, по мне, так это просто безумие, и никак иначе. Понятное дело, твой план невероятно интересен и все такое. Но все же...

– Я так же умна, здорова и полна решимости, как любой, кто участвует в этих экспедициях.

– Не сомневаюсь, – ответила Пиппа. – Просто мне всегда казалось, что ты не из тех, кто применяет на себя образ капитана Кука. С трудом представляю, как ты совершаешь ежедневные омовения на берегу ручья. Или колотишь невесомое белье о камни.

Она затронула кое-какие практические вопросы. По правде говоря, я не относилась к любителям пеших походов, но я искренне верю в обучение в ходе работы. Мне по душе крайности, и я отлично чувствую себя как в пятизвездочном отеле, так и в двухместной палатке.

– Скалолазание – это навык, – заявила я. – Навыку можно научить, а значит, и научиться. Мне просто надо разбежаться и нырнуть солдатиком, приняв тот факт, что я кое-что не знаю, вернее, не знаю ничего.

Теперь все мое время было занято обучением, оно стало моей работой с полной занятостью. Составление расписания занятий и режима дня в виде таблицы напоминало торжественный ритуал. Это был контракт, который я заключила сама с собой. Следуя расписанию, я каждое утро вылезала из постели, съедала на завтрак большую миску гранолы с черникой (эту привычку я переняла еще у бабушки), а затем отправлялась бегать по холмам Гонконга, словно Рокки Бальбоа: я быстро бегала вверх-вниз по лестницам вместо привычного пользования эскалаторами. Затем у меня была двухчасовая тренировка в спорт-зале, потом я бежала домой, проглатывала обед и бежала обратно в спортзал, где проводила вторую половину дня. Я нашла себе личного тренера, который был готов научить премудростям высокогорного альпинизма – им стал новозеландец по имени Росс Эторн, специалист по холистическому фитнесу. Он отлично наставлял меня, пока я тягала свободные веса. Основное внимание я уделяла кардиотренировкам, но также хотела убедиться, что сумею поднять свой собственный вес, когда настанет время взвалить на себя альпинистское и походное снаряжение.

После шести месяцев фанатичного следования этому расписанию мои руки стали похожи на стволы пушек Гатлинга¹⁵, а икры казались отлитыми из титана. Объем стирки после таких тренировок рос день ото дня, но теперь я ощущала себя гораздо уверенней. Мы с Джонатаном обсудили финансовые вопросы и решили, что логичнее всего теперь будет предпринять тренировочное восхождение. Есть вещи, которым следует учиться по ходу дела, и ледолазание – одна из них. Я занялась маркетинговым сравнением, сопоставляя услуги различных проводников. Суть была в том, чтобы познакомиться с альпинистским снаряжением, почувствовать его и разобраться в тайнах техники ледолазания.

Я нашла курс альпинизма в крошечном городке Ванака на Западном побережье Южного острова Новой Зеландии, который расположен относительно недалеко от Гонконга. Джонатан сразу же поддержал мой план поехать туда. Подозреваю, он надеялся, что я, образно говоря, разобью себе лоб и перестану даже заговаривать об Эвересте, но я уже тогда знала, что не отступлю. Я оплатила недельный курс занятий у опытного инструктора, который должен был

---

¹⁵ Пушка Гатлинга, картечьница Гатлинга – многоствольное скорострельное стрелковое оружие.

отвезти меня на ледник Фокса¹⁶, и, преисполнившись оптимизма, пригласила нескольких друзей составить мне компанию.

Как гласит легенда – и я обожаю ее, так что мне наплевать, правда это или нет, – Эрнест Шеклтон¹⁷, великий первооткрыватель, поместил когда-то в лондонской газете такое объявление:

«Требуются мужчины для участия в рискованном путешествии за небольшое жалование в условиях постоянной опасности, жесточайшего холода и долгих месяцев полярной ночи. Благополучное возвращение не гарантируется. В случае успеха – почет и признание.

Спросить Эрнеста Шеклтона, Берлингтон стрит, 4».

Я разослала пародию на это сообщение горстке друзей, добавив: «Все, кто хочет научиться ледолазанию в Новой Зеландии, решайтесь сейчас или забудьте об этом навсегда. Следующая остановка – Эверест!» Тут же стали по-ступать ответы. Некоторые решили, что это шутка. Другие считали, что у меня поехала крыша как результат того, что сфера бизнеса, в которой я выстроила свою жизнь, теперь обратилась в ничто. Даже те, кто был знаком со мной достаточно хорошо, чтобы поверить на слово, отнеслись к моей затее скептически. Это ничуть не задело моих чувств. Важно озвучить свои намерения, как только мы обретаем уверенность в них, но ведь не обязательно, чтобы все остальные разделяли их. Я выучила правила. Я прочитала «Тайну»¹⁸. Я всегда старалась рассчитывать на позитивное отношение, но мне не требовалось ничье разрешение. Все мои лучшие друзья, в том числе и муж, – люди творческие и умные. Майя называет меня «фигурой действия, выжидающей своего часа».

Все уверяли, что будут сопутствовать мне мысленно. Пиппа со своими мальчишками планировали отслеживать мое продвижение по леднику Фокса с помощью бумажных карт и стикеров со смайликами. Мне показалась вполне разумной мысль устроить в *Kee Club* небольшую прощальную вечеринку, ведь именно в этом баре все началось полгода назад. Очень важно и торжественно, вроде и в шутку, но совершенно серьезно, каждый из собравшихся подарил мне по талисману. Пиппа вручила маленькую серебряную подвеску с символом мантры «ом».

– Она олицетворяет весь мир и все, что в нем, – пояснила она. – И она будет напоминать тебе, что надо дышать.

Майя подарила мне ангелочка с распахнутыми крыльями, а моя подруга Брайди – ирландское кладдахское кольцо. Джонатан положил мне на ладонь медальон «Святой Христофор, покровитель путешественников». Я подвесила подарки на длинную цепочку-кольце, на которой ношу бабушкино обручальное колечко, до того махонькое, что оно не налезает мне даже на мизинец. Мне предстояло носить этот диковинную связку амулетов на протяжении следующего десятилетия, в каждой экспедиции, большой или маленькой. И всякий раз я что-то добавляла к ним, ничего не убирая, практиковала, так сказать, сложение, а не вычитание.

---

¹⁶ Ледник Фокса находится в Национальном парке Вестленд на Южном острове Новой Зеландии.

¹⁷ Сэр Эрнест Генри Шеклтон (1874–1922) – англо-ирландский исследователь Антарктиды, участник четырех антарктических экспедиций, тремя из которых командовал.

¹⁸ «Тайна» – книга Ронды Берн о возможности изменить судьбу (2006 года), основана на более раннем одноименном фильме и вере в закон притяжения, согласно которому осознанное мышление способно напрямую изменить жизнь человека.

Глава 3

Ни о чем не тревожься, и станешь великим – никто никогда не говорил ничего подобного.

Микаэла Шиффрин, американская горнолыжница, олимпийская чемпионка

Ледник Фокса – ледяная река, питаемая дождями и снегом, которые приносят в горы ветры, дующие с «ревуших сороковых»¹⁹. Я улыбнулась, размышляя, что мне самой уже хорошо за сорок, и этот возраст некоторые наверняка сочтут мало подходящим для начала занятий альпинизмом. Марк Седон, голубоглазый новозеландец, который стал моим инструктором по альпинизму, придерживался другого мнения.

– Нет, подруга, это твой выбор, – сказал он, пристегивая кошки к подошвам ботинок. – Никто себя по-настоящему не знает, пока не доживет до середины жизни.

Мне нравилась его непринужденная манера высказываться, его новозеландский акцент, но больше всего я ценила то, сколько он знал о леднике и как охотно делился своим опытом, обучая меня и не заставляя при этом чувствовать себя глупой. Марк был проводником, состоящим в IFMGA (Международной федерации ассоциаций горных проводников), а это означало, что он имеет сертификаты для работы проводником во всех трех дисциплинах: скалолазание, высокогорный альпинизм и лыжный спорт. В обстановке корпоративного обучения или визита IT-специалиста, если кто-то ощущает необходимость подчеркнуть свой опыт с помощью тайного жаргона или рекламирует свое ноу-хау в контексте чужого не-ноу-хау, временами чувствуешь неуверенность, которая затрудняет веру в реальные навыки человека. Но с Майком такого не было.

Мой первый день на леднике мы с Марком начали с нуля: надели кошки, обвязки, пристегнулись к веревке, и началось наше путешествие по леднику. Вновь и вновь Марк заставлял меня подниматься и спускаться по одной и той же стене голубоватого льда. Стоило только ему увидеть, что я отвлеклась или пытаюсь схалтурить, или вообще подметить какую-нибудь ошибку, как он тут же окликал меня, указывал на промах и заставлял делать все заново. В конце дня он приготовил очень приличный походный ужин: у проводников это всегда отлично получается. Марк рассказывал мне о своей жене и занятиях альпинизмом, а я ему – о Джонатане, о своей прежней работе и стремлении побывать на Эвересте. Он сам был альпинистом и готов был, скорее, удивиться не моему желанию отправиться на туда, а тому, что кто-то считает это неинтересным. Я побрела в нашу хижину, чтобы заснуть спокойным сном человека, который физически истощен, но доволен сделанной за день работой. Я впервые ночевала в одном помещении с малознакомым человеком, но быстро усвоила этикет: надо аккуратно складывать свое снаряжение, стараться соблюдать те же правила приличия, что и твой сосед, и не обращать внимания на любые звуки, которые может издавать тело, поскольку это свидетельствует о том, что организм перестраивается и акклиматизируется. Еще до восхода солнца меня разбудил визг большущих оливково-зеленых попугаев, они кружили вокруг хижины, выискивая отбросы и производя впечатляющий шум.

– Это кеа, – пояснил Марк. – Они очень любопытные, но, если увидят тебя с чем-то съестным в руках, берегись. Они настроены решительно.

– Значит, мы с ними похожи, – ответила я.

– Давай, шевелись. Сегодня мы проложим новую тропу вверх по кулуару.

---

¹⁹ «Ревущие сороковые» – название, данное моряками океаническим пространствам между 40° и 50° ю. ш. в Южном полушарии Земли, где дуют сильные и устойчивые западные ветры, вызывающие частые штормы.

Мы пошли вверх, на широкий бело-голубой язык ледника. Водопады наполняли глубокие промоины холодной, чистой водой, смутно отдававшей железом и свежим снегом, напоминая мне о заснеженных берегах озера Сент-Клер в штате Мичиган, где я выросла.

Каждая зима моего детства была сплошной серой пеленой мокрого снега, града и снежных бурь, которые я особенно любила, потому что в такие дни отец брал меня с собой на подледную рыбалку. Он тащил свое самодельное укрытие от снега на санях, и я, не задумываясь, следовала за ним по замерзшему озеру к аэросаням. Они с ревом оживали, приводимые в движение маленьким самолетным мотором. Когда мы находили подходящее место, я ждала на морозе и ветру, пока отец бурил бело-голубой лед, и проходила, казалось, целая вечность, пока не появлялся идеальный квадрат. Потом он ставил укрытие над прорубью, и мы усаживались на перевернутые ведра. Время от времени я замечала под поверхностью серебристую вспышку щуки или судака, и у меня перехватывало дыхание, но не успевала я взвизгнуть или сказать хоть слово, как отец поднимал руку: «Ш-ш-ш».

С точностью гремучей змеи он ударял острой в воду и вытаскивал раненого судака. Я держала большое ведро, пока он освобождал окровавленную острогу и снова устраивался рядом с прорубью. Иногда я вставала и бродила по замерзшему озеру, подбирала дохлых угрей и находила другие интересные находки, которые можно было бы принести в школу, чтобы показать друзьям, но по большей части мы часами сидели в тишине и пустоте, только отец и я, уставившись в прорубь. Я помню, каким толстым бывал лед. Обогреватель, который поддерживал тепло в укрытии, ни на йоту не растапливал поверхность замерзшей воды. Лед всегда удерживал нас. Он отделял нас от темной воды, в толще которой мне представлялись кораблекрушения, утонувшие моряки и затопленные машины старых гангстеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.